

ТАЙНА СТАРОГО ЯЩИКА

НЕСКОЛЬКО лет назад в Куйбышеве был обнаружен не известный доселе архив выдающегося советского писателя А. Н. Толстого.

Включаяющий более ста писем А. Н. Толстого к матери и отчиму, первые издания его книг, дневники и рукописи его матери А. Л. Бостром, известной самарской писательницы. Юрий Окланский — автор вышедших в Куйбышеве очерковых книг «Доверие» и «Серебристая облака» — закончил книгу «Шумное захолустье», написанную с широким использованием материалов семейного архива А. Н. Толстого. Живое повествование об истории находки архива, о людях и событиях в Самаре 90-х годов прошлого века сочетается в ней с элементами литературоведческого исследования.

Ниже мы печатаем отрывок из третьей главы книги Ю. Окланского. Полностью она публикуется в журнале «Сибирские огни».

Маленькая лампочка, свешиваясь с потолка, еле освещает скрипучую деревянную лестницу, ведущую на второй этаж. Вот и квартира № 4. Дверь, обитая пыльным дерматином, а рядом ржавая дощечка с полустершимися словами: «Доктор Гуревич Я. С.».

Кто-то долго возится с запорами. Внизу — ряды деревянных домиков, с глубокими щелями задних дворов, мирно смотря желтыми глазами в сумрак тихой вечерней улочки, обсаженной тополями. Тут, в самом центре большого волжского города, почти в неприкосновенности уцелел «островок» прошлого — закуток старой Самары. И за этими дверями — одна из тайн недавней куйбышевской находки.

Нам открыл сам хозяин, Яков Самуилович Гуревич. В коридоре тоже полутемно, и мы имеем возможность рассмотреть друг друга, только очутившись, наконец, в неожиданно уютных, обставленных по-старинному комнатах. Гуревичу уже восемьдесят лет. Это сгорбленный, но почти без седины человек, с мохнатыми черными бровями и тоже черными живыми глазами. Для своего возраста он энергичен и подвижен.

Яков Самуилович выслушивает мою просьбу со стариковской сдержанностью. Но, начав рассказывать, понемногу оживает.

— Весной... да, весной 1915 года я, тогда военный врач, был переведен в Самарский гарнизон. Встали мы с семьей на квартиру в доме Алексея Аполлоновича Бострома. Это — возле польского костела. Как вы знаете, его супруги Александры Леонтьевны тогда уже не было в живых. Умерла она еще в первую революцию от менингита. Нашему домовладельцу было лет шестьдесят. Жил он вдвоем с приемной дочерью Шурой, кажется гимназисткой, которая и помогала ему вести холостяцкое хозяйство... Что вам сказать про Алексея Аполлоновича? Хотя мы и квартировали у него всего восемь месяцев, но подружились. Общительно-го был иррава человек, непоседа, шумливый. Через край, бывало, переполнен всякими политическими новостями, городскими и служебными происшествиями. Но, понимаете ли, за внешней шумливостью был в нем какой-то душевный надрыв. Вдруг ни с того, ни с сего замкнется в себе, грустит. Тогда из его комнаты часами доносятся мелодии Грига. Мы уже знали — Алексей Аполлонович ищет утешения в музыке, играя на пианино.

— Да!.. Интересный был мужчина... Вот не угодно ли? — Яков Самуилович, порывшись в ящике комода, достает кусок картона.

На портрете — знакомое лицо. Редущий седоватый зачес назад, высокий лоб, на сухощарых щеках легкий стариковский румянец, под тонкими бровями синие насмешливые глаза, борода на две стороны, усм. Под взглядом появившегося из комода Бострома я все жду, когда же Яков Самуилович перейдет к главному и расскажет неизвестную мне часть истории семейного архива А. Н. Толстого, хранившегося у Гуревичей почти сорок лет. Но Яков Самуилович не торопится, очевидно, погруженный в воспоминания.

В 1915 году стареющий красавец-либерал вызывал жалость у военного доктора Гуревича. Очень уж он был неприспособлен к жизни! Часто конфликтовал с начальством («чуть ли не с самим губернатором»), а дом был уже переполнен, домовладелец сам колот дрова и перекладывал печи. Скучных доходов стариков-вдовцу и дочери Шуре еле хватало, чтобы свести концы с концами. Изредка Бостром получал письма и другую корреспонденцию с воинскими штампелами — от своего приемного сына с фронта. Алексей Толстой был уже известным писателем. Гуревичу доводилось читать его военные статьи и очерки, печатавшиеся тогда в «Русских ведомостях».

Знакомство с Бостром не оборвалось и после того, как Гуревичи съехали на другую квартиру.

Вскоре затем закрутилась колесница революционных событий... Где-то за границей, в эмиграции, мыкался Алексей Толстой, сам себя забросивший на чужбину. А Алексей Аполлонович стал сторожем яблоневых садов. Завел козу да там, в сторожке, и жил. В городе он появлялся редко. С бородой, чуть не до пояса, в длинной домотканной рубашке, с палкой в руках. Его сопровождала ставшая ручиной коза... Умер он в голодном 1921 году в городской больнице от воспаления легких...

Из дальнейшего рассказа Якова Самуиловича получалось, что, умирая, Бостром все свое нехитрое имущество оставил приемной дочери Шуре — Александре Алексеевне Первяковой, двадцатидвухлетней девушке, которая работала воспитательницей в детском доме. Был там и большой ящик с бумагами, какими-то книгами, старыми письмами, фотографиями, с лежавшим там же потрепанным портфелем, где держали документы. Словом — с реликвиями, которые многие десятилетия накапливались и бережно хранились семьей.

Осенью 1923 года Александра Первякова переезжала из Самары в Баку. По старой памяти завезла и оставила на время этот ящик у Гуревичей. Ящик со всем содержимым был водворен в сарай, завален ка-

кой-то рухлядью. И все про него забыли...

По редкому стечению обстоятельств, «погребение» куйбышевского архива почти совпало с другим событием — 1 августа 1923 года, сойдя с парохода, ступил на родную землю вернувшийся из эмиграции Алексей Николаевич Толстой.

— На старый ящик с бумагами мы натолкнулись только в войну, — рассказывает Яков Самуилович. — Знал ли я о приезде Толстого в Куйбышев в феврале 1942 года? И об архиве уже знал, и о приезде Алексея Николаевича! Сейчас вам все будет ясно... Как помнится, в те дни в областной газете «Волжская коммуна» печатались заметки о Толстом, о его выступлениях, беседы с корреспондентами. Вот я и решил встретиться с ним и все рассказать. Не поверите, у меня уже и пригласительный билет был на генеральную репетицию седы-

А. Н. Толстой с женой Ю. В. Романовской.

(Снимок публикуется впервые).

мой симфонии Шостаковича, которая впервые исполнялась оркестром Большого театра у нас в Куйбышеве. Сказали, что на ней будет и Алексей Николаевич. Он и был, и на следующий день великолепную статью о симфонии напечатал! И, наверняка, состоялось бы наше объяснение в театре... Но не повезло мне. Бывает же — захворал! А когда поправился, он уже уехал. И больше в Куйбышеве не бывал. А сам я стар, в Москву не езжу... Так и пролежали у нас все эти письма до недавних пор...

Тут я оборву на минутку нашу беседу с Яковом Самуиловичем. Следует уточнить — кем был «забыт» куйбышевский архив, историю которого я сейчас рассказываю. До недавних пор о нем не знала литературная общественность, о его существовании не подозревали даже в узком кругу специалистов. В этом смысле народу возвращен действительно забытый большой архив Толстого. Однако и помимо Гуревичей были люди, которые знали и помнили о злосчастном ящике со старыми письмами... В первую очередь хочу назвать «законную владелицу» архива Александру Алексеевну Первякову.

Александра Алексеевна здравствует. Живет она в собственном домике, в поселке Кара-Чухур, что в двадцати минутах езды на электричке от Баку. Но дома ее не всегда застаешь. Несмотря на преклонный возраст, по несколько месяцев в году — и уже на протяжении многих лет так — она плавает судовой фельдшершей на нефтяных танкерах, совершающих рейсы между Баку — Махачкала — Красноводском и Астраханью. И не только в Баку, но да-

же среди 32 человек команды танкера мало кто знает, что пожилая «пламедики» Первякова — это приемная сестра Алексея Толстого, та самая «Шура», которая шестьдесят с лишним лет тому назад полугодолетним ребенком была удочерена Александрой Леонтьевной и А. А. Бостромом и которой, кстати, посвящено несколько теплых писем самого Алексея Николаевича, найденных теперь в куйбышевском архиве.

Недавно мы связались с Александрой Алексеевной по телефону. Она рассказала немало интересного и, кроме того, разрешила использовать письма, присланные ею в куйбышевский музей А. М. Горького. В итоге возникло несколько существенных дополнений и уточнений того, что я узнал от Я. С. Гуревича. Впрочем, они относятся только к периоду после осени 1923 года, когда Александра Алексеевна уже поселилась в Баку.

— Через некоторое время, — рассказывает А. А. Первякова, — я стала просить Гуревичей выслать мне фотокарточки и письма, так как я очень скучала. Но жена Гуревича в своих ответах почему-то обходилась молчаливым мои просьбы... Когда я поняла, что Гуревичи отмахиваются неспроста, что, возможно, с архивом что-то случилось, я перестала им пи-

шет из постороннего конверта или из старой книги заронившейся туда письмо Алексея Толстого. А то что-нибудь в диванах обнаружишь, вроде этого портрета Бострома...

Большую помощь в новых поисках оказали работники куйбышевского музея А. М. Горького. Нельзя не назвать тут научного сотрудника Альбину Евгеньевну Иогман, бывшего директора музея Евдокью Николаевну Бутакову и нынешнего директора Маргариту Павловну Лимарову. Благодаря им архив избежал дальнейшего дробления, и значительная часть его бережно сохраняется теперь в родных местах писателя — в городе Куйбышеве.

Однако и поныне нет уверенности, что собрано и разыскано все. А главное — все ли уцелело? Может статься, что некоторые документы утрачены безвозвратно. Приведу один из примеров. Не найдены письма Горького к Александре Леонтьевне Бостром — матери А. Н. Толстого, хотя есть основания предполагать, что такие письма существовали.

Среди материалов, обнаруженных в Куйбышеве, есть письма К. П. Пятницкого, издателя писательского товарищества «Знание», душой и фактическим руководителем которого, как известно, был А. М. Горький. В письме идет речь о сборнике деревенских рассказов Александры Леонтьевны, переданном ею в декабре 1903 года в «Знание». «Некоторые рассказы, — пишет Пятницкий, — могли бы выйти отдельными книжками для народа». И перечисляет затем адреса издательства, в которые следует обратиться. «У нас, — пишет он, — вопрос о Вашей книге решался Ал. Макс. Пешковым. Если бы Вы захотели знать его мнение, можно писать ему на «Знание», так как он постоянно меняет место жительства. Письмо будет ему немедленно доставлено».

Это не единственный случай, когда литературные дороги приводили писательницу к Горькому. Около двух лет спустя в письме от 8 ноября 1905 года она, например, сообщает А. А. Бостром по поводу своих пьес: «...Надо подождать ответа от Горького, кот. я послала «Жнецы» и дала свой адрес в Петербурге до 19-го... (Пятницкий) мне посоветовал для скорости послать прямо Горькому, кот. находится теперь в Москве и потом уедет в Крым. Я тотчас заклеила пьесу бандеролью, написала письмо и отвезла в почтамт. Прошу его, ввиду того, что пьеса едва ли в наст. время пройдет в цензуре, напечатать ее в сборнике или вместе с двумя другими, или отдельной книжкой. Что-то он скажет?».

Зная всегласную обязательность Горького в таких случаях, трудно предположить, чтобы он не отозвался на обращение писательницы. Тем более, что произведений ее он читал, а самого автора мог помнить — по общему кругу знакомых в Самаре (Тейтели, Н. Гарин-Михайловский и др.) и одновременно сотрудничеству в «Самарской газете» в середине 90-х годов. Интересны для нас были бы также письма или черновики писем Александры Леонтьевны Горькому. Но где все это? Сейчас, конечно, можно только гадать. В московском архиве А. М. Горького, где учтено все известное горьковедом, что писал Алексей Максимович или получал от своих корреспондентов, нет даже коварных следов этой переписки...

А кто поручится, что в сарае или чуланном мусоре не сгнили за сорок лет письма Н. Гарина-Михайловского, который не только арендовал одно время родовое имение матери А. Толстого — Тургенево, но и не раз помогал Александре Леонтьевне устраивать ее литературные дела в Петербурге; или ответ Вл. И. Немировича-Данченко на запросы писательницы по поводу ее пьес, переданных Художественному театру; или другие письма (помимо одного издателя) от известного издателя И. Д. Сытина, у которого Александра Леонтьевна печатала свои книги... Да мало ли еще что могло быть или не быть на бросовых досках старой бумаги, о чем, остается только гадать и сокрушаться!

Перебирая в памяти все узанное в доме Якова Самуиловича, я думаю еще о людях, которым волею обстоятельств попадают в руки архивные ценности. Как оградить общенародное достояние, каким является каждый такой архив, от бездумной небрежности, а иногда, что греха таить, и от предпримчивости их случайных владельцев? Кому не памятна целая дискуссия, завязавшаяся на эту тему в печати.

В приобретшей теперь широкую известность документальной повести «Личная собственность» писатель Ираклий Андронников рассказал, как было разбазарено, распродано, растеряно незадачливыми владельцами огромное литературное и живописное собрание редкой ценности — так называемая Бурцевская коллекция... Судьба куйбышевского архива А. Н. Толстого сложилась счастливой. Но все-таки и она — еще один аргумент к тем фактам, которые вызвали тревожные раздумья у писателя и поток откликов его читателей и радиослушателей.

Ю. ОКЛАНСКИЙ.

Как мне рассказывал сам Юрий Александрович, оказалось, что в Куйбышеве 38 однофамильцев — Гуревичей. Разыскать нужного среди них удалось не сразу. Зато результат превзошел все ожидания. Потребовалось два человека, чтобы уложить купленный Институтом мировой литературы архив А. Н. Толстого. Только собственноручных писем Алексея Николаевича там было сто с лишним. Ученый-этнограф уезжал из Куйбышева, убежденный, что «выскреб все до донышка».

Однако прошло восемь или девять лет, и автору этих строк довелось сообщить в «Литературной газете», что куйбышевский литературно-мемориальный музей А. М. Горького приобрел у Гуревичей новый большой архив Толстого. На сей раз было куплено более трехсот не известных доселе ценных материалов. И среди них опять-таки примерно около ста писем самого А. Толстого, а кроме того — тетради рукописей, издания книг с дарственными надписями и прочее.

В 1959 году Гуревичи безвозмездно передали куйбышевскому музею еще девять писем, телеграмм, автографов, стихотворений А. Толстого, а также более ста писем его родителю. Наконец, ряд материалов, в том числе несколько важных для нас писем Александры Леонтьевны и самого А. Н. Толстого, поступил от Гуревичей в музей в 1961 году.

Архив продавался и дарился беспорядочно. Некоторые письма оказались «разорванными»: начало — в Москве, а конец — в Куйбышеве или наоборот.

— Понимаете, — объясняет Яков Самуилович, — когда мы весь этот архив вынули из ящика, часть его смешалась с нашими бумагами, которых за долгую жизнь накопилось не меньше... До сих пор, случается, роешься где-нибудь в чулане среди бумажных завалов, и вдруг выгля-